

ЛАРСЕН ВСТУПАЕТ В БОРЬБУ

Действие повести Владимира Дружинина «Шкипер с «Ориноко»» (Лениздат. 1953. 174 стр.) происходит, по всей вероятности, в Норвегии. Страна автором хотя и не названа, но перед нами рыбацкий поселок, героическая старуха во главе целого поколения рыбаков, покуривающие трубочку шкиперы, чайки, зеленые мхи... Что же, как не Норвегия? Да еще и вспоминают о русских войсках!

В маленьком норвежском городке разворачивается борьба между передовыми и реакционными силами. Шкипер Ларсен придерживается того мнения, что если бы не «красные» с их, как это ему представляется, пристрастием к митингам, тайным собраниям и вообще «политиканству», то никакой борьбы и не было бы... Вот он и не будет участвовать в ней! К черту! Да, да, пусть все так и знают, что прославленный капитан Ларсен стоит вне политики!

Борьба обостряется, друзья зовут на линию огня... Нет, он вне политики! Разрыв с друзьями, разрыв с собственным сыном...

Вскоре шкипер убеждается, что не придумана «красными» эта борьба, а продиктована жизнью! На личном опыте убеждается он, как не соответствует проповедь о «добром предпринимателе» и «классовом мире» тому, что происходит в жизни.

И шкипер бурно включается в борьбу — поднимает бунт на корабле против «доброто предпринимателя», собиравшегося продать родину!

Советские писатели то и дело задумываются над тем, что представляет собой так называемый «средний» человек капиталистического мира. Кто же он? Мещанин? Торгаш? Раб денежного отношения к миру? Антипатриот? Циник?

Нет!

Именно резкое «нет» звучит в произведениях советских писателей, пишущих на эту тему; «нет» — в ответ самим себе, поскольку может при мысли о капиталистическом мире возникнуть в памяти любая из перечисленных харь — ого, еще как может!

Но именно — нет! Что же из того, что есть и хари? Поднимаются и героические личности: борцы за мир, не боящиеся огня полиции, девушки, падающие на

рельсы, чтобы остановить воинский поезд, старцы науки, выступающие на конгрессах мира, зная, что за это — тюрьма!

Вот этих-то людей и ставит советские авторы в основу обобщения. Да, — как бы слышим мы голоса авторов, — он боец, этот средний человек! Потенциально — это боец, личность, способная на подвиг, способная бросить бот на скалы вместе с его хозяевами, как это сделал Ларсен!

Много прекрасного есть в повести Владимира Дружинина. Вот он показывает обед в рыбацкой семье; вот моряки играют в кости; вот сцена найма служащих в конторе рыботорговца; вот бургомистр — авантюрист и торгаш — у себя дома; вот тайное собрание молодежи. Три качества проявляет автор в этих сценах: наблюдательность, воображение, юмор... Из этих качеств рождается искусство портрета. В повести около дюжины портретов: вот, например, сторонник мира рыбак Нильс — он поет песню и в такт ей подбрасывает на ладони губную гармошку; юная Христина, невеста, приносит в дом жениха ожерелье — смотрите, восхищается она, в янтаре окаменел муравей!

Постойте, еще один! По выразительности он лучше всех. Это портрет Марты — старухи.

«Глядя прямо перед собой, она идет к берегу, твердо перешагивая с лодки на лодку. Они трутся бортами, скрипят и всхлипывают».

Оттого, что старая женщина именно шагает с лодки на лодку в то время, как они всхлипывают, картина становится несказанно реальной... Эта Марта живет, причем настолько реально, что, кажется, жила еще и до того, как началась повесть.

Не в одной наблюдательности дело, не в одном воображении. Да, их, конечно, нужно иметь, эти качества. Когда-то, где-то нужно было заметить, что лодка всхлипывает на приколе... Нужно было заметить где-то в порту, что жены, матери моряков как раз так, бывает, и ходят: с лодки на лодку. Но свести все в одну картину, вспомнить подробности в тот момент, когда они нужны, — тут уж работает талант!

Вот мы и сказали главное об этом авторе: что он талантлив!

Размеры газетной статьи, почти заметки, не позволяют нам остановиться на многих достоинствах повести: на умении автора создать пейзаж, на самом письме, примененном в повести, чистом и строгом... Ведь нам нужно упомянуть еще и о недостатках!

Что ж, и тут ограничимся перечислением

только некоторых. Даже можно поговорить только об одном — он настолько тяжел!

Как могли вы, товарищ Дружинин, допустить такую ошибку — повести расказ в данном случае от первого лица? Возьмем, к примеру, хотя бы такое место:

«В могучем своем кулаке он сжимал трубку, ветер выдувал из нее искры, они вылетали и чертили тоненькие огненные ниточки в спускающихся сумерках».

Кто это пишет? Подумать только — шкипер! Причем норвежский, т. е. несколько тяжелодумный, упрямый, матерый. Ведь в целях доказательства положенной в основу повести мысли требовался как раз тяжелодум! Все приглядывается, прислушивается, все никак не может решить, кто прав, кто виноват. Как же может он так тонко чувствовать? У моряков, возразите вы, бывает развито чувство природы, любовь к ней... А откуда ж у шкипера чувство стиля, умение строить фразу, вести диалог?

Ошибка, безусловная ошибка! Вы еще можете указать нам, что и у больших писателей есть вещи, написанные от первого лица как раз людьми, не имеющими отношения к литературе. Скажем, «Канитанская дочка», «Записки маркера»... Но в таких случаях мы наблюдаем заботу о том, чтобы мотивировать это умение.

Пишущий от своего имени Гринев, например, вообще причастен к литературе, он — начинающий поэт, как признается сам. Его стихи хвалили даже Александр Петрович Сумароков! И в таких случаях большие писатели не слишком позволяют своим героям писать так, чтобы быть похожими на писателей: изгоняется всякая тонкость, тем более изысканность... Остаются только сила и чувство, которые могут быть у каждого человека. «Робинзон Крузо» написан от имени не то что шкипера — простого матроса. Но нам даже в голову не приходит мысль, как же так может писать простой матрос? Никакого изыска, никаких писательских «штучек», только сила и эмоция!

Юрий ОЛЕША